

Биктимирова Юлия Викторовна

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНΙΑ СЕМАТИЧЕСКОГО ТРЕХЧЛЕНА В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЯ КОНЦА XVII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.

В статье рассматриваются особенности употребления форм указательных местоимений архаичной трехчленной оппозиции съ - тъ - онъ в памятниках письменности Восточного Забайкалья конца XVII - первой половины XVIII в. Сохранение архаичных и книжных форм, конкурирующих с новыми формами и народно-разговорными, свидетельствует о намеренном укреплении архаичных норм приказной традиции, что подтверждается сохранением семантического трехчлена как организующего начала структуры документа приказного делопроизводства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/1-1/20.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 1(67): в 2-х ч. Ч. 1. С. 68-72. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

числовой символ устойчивости бытия. Существует *эрын 13 мэхэ* – 13 уловов мужчины, *13 эрдэни* – 13 драгоценных знаний, в монгольской математике – 13 фигур, в эпосе о Гэсэре поётся о 13 героях, 13 стрелах и т.д. [3].

Таким образом, мы видим, что в обработанных вариантах Гэсэриады фигурируют элементы шаманизма: возрождение Гэсэра на земле по провидению Великого Заяна, присутствие посторонней скрытой силы в поступках и чудодейственных превращениях Гэсэра, главный герой делает подношение небесным богам и своему покровителю, Гал Нурман Хан по-шамански гадает, бросая чашу, герои совершают обряд воскурения и окропления перед важными делами и др.

В заключение отметим, что шаманизм монгольского мира есть самобытный центральноазиатский феномен, выражающий тэнгрианское эзотерическое учение Центральной Азии и связанный с самостоятельной традицией Знания и Посвящения. Можно утверждать, что существовала тэнгрианская традиция восхождения – особый центральноазиатский духовный Путь со многими ступенями Посвящения.

Список литературы

1. **Абай Гэсэр Богдо хаан.** Улан-Удэ: Республиканская типография Республики Бурятия, 1995. 518 с.
2. **Абай Гэсэр Могучий. Бурятский героический эпос.** М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 526 с.
3. **Урбанаева И. С.** Шаманизм монгольского мира как выражение тэнгрианской эзотерической традиции Центральной Азии // Центрально-Азиатский шаманизм: философские, исторические, религиозные аспекты: материалы международного научного симпозиума. Улан-Удэ, 1996. С. 48-66.
4. **Хундаева Е. О.** Бурятский героический эпос «Гэсэр» (знаковая система, традиции, поэтика): автореф. дисс. ... д. филол. н. Улан-Удэ, 1999. 305 с.
5. **Хундаева Е. О.** Бурятский эпос о Гэсэре: символы и традиции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 95 с.
6. **Черемисов К. М., Цыдендамбаев Ц. Б.** Бурят-монгольско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1951. 852 с.

ELEMENTS OF SHAMANISM IN THE BURYAT EPIC ABOUT GESER

Badmatsyrenova Darima Bazarsadaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Budain Aryuna Aleksandrovna

Buryat State University

aldarbadma@gmail.com; mei_guo@bk.ru

The article reveals the representation of the shamanism elements in the Buryat epic about Geser. Geographical spread of shamanism is extensive and multilingual. Shamanism occupied an important place in the spiritual life of the Protoburyats. The Buryat tradition of shamanism is original; it preserved the singularity and wisdom of the initial period of the ethnic groups most fully. Shamanism carries rich aesthetic, ethical and poetic information. In the epic about Geser the authors note a large number of shamanistic elements that are found in some story lines, images, character names, description of rites, and miraculous transformations of the characters. The authors analyze such components of shamanism as numerical symbols, shaman, rites and ceremonies. Also in the epic one can trace Buddhist beddings and weavings.

Key words and phrases: shamanism; universal philosophy; spiritual practice; cult complex; son of heaven; sacral-magical context of Geseriada.

УДК 811.161.1

В статье рассматриваются особенности употребления форм указательных местоимений архаичной трехчленной оппозиции сь – ть – онь в памятниках письменности Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII в. Сохранение архаичных и книжных форм, конкурирующих с новыми формами и народно-разговорными, свидетельствует о намеренном укреплении архаичных норм приказной традиции, что подтверждается сохранением семантического трехчлена как организующего начала структуры документа приказного делопроизводства.

Ключевые слова и фразы: памятники деловой письменности; указательные местоимения; семантический трехчлен; морфология имени; русский язык периода XVII-XVIII вв.

Биктимирова Юлия Викторовна, к. филол. н.

Забайкальский государственный университет

pravo_chita@mail.ru

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ТРЕХЧЛЕНА В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ КОНЦА XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.

Указательные местоимения в языке памятников деловой письменности XVII-XVIII вв. относятся к числу наименее изученных вопросов истории русского языка. В последние годы появились исследования, позволяющие вновь взглянуть на известные факты истории этих местоимений [3; 4; 6; 8; 9; 14]. Связано это, прежде

всего, с интересом лингвистов к периоду становления русского национального языка и привлечением в научный оборот региональных памятников делопроизводства XVII-XVIII вв. Исследователь рукописных деловых памятников Забайкалья XVIII в. А. П. Майоров обоснованно считает, что «по отношению к деловому дискурсу идентифицирующая функция указательных местоимений является обязательной», поэтому «в деловом языке эти местоимения в первую очередь становились стилиобразующими средствами» [8, с. 224]. В контексте региональных исследований интерес вызывают памятники Восточного Забайкалья – документы Нерчинской воеводской канцелярии и подведомственных ей канцелярий острогов и заводов Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII в. Рассмотрим особенности употребления форм указательных местоимений в памятниках Восточного Забайкалья, сузив круг исследования до указательных местоимений бывшего семантического трёхчлена *сь – ть – онь*. Известно, что система указательных местоимений древнерусского языка представляла собой переходную стадию от трехчленной (праславянской) к двухчленной. В трёхчленной системе выражают три степени удаленности по отношению к говорящему или предмету речи: 1) близкое к говорящему – *сь*; 2) близкое к собеседнику – *ть*; 3) удаленное и от говорящего, и от собеседника – *онь* [1; 15].

Местоимения, обозначающие близкое, – краткие *сь, се, ся* и полные формы *сеи, сие, сия*. С течением времени краткие местоимения постепенно утрачиваются, а полные продолжают употребляться, что фиксируется в языке исследуемых памятников. Краткие местоимения сохраняются только в приказных формулах *се азъ, ся кабала, по се число* в челобитных и памятях, которые можно отнести к личным документам, написанным от имени заказчика. Формуляр личного документа требует своеобразной точки отсчёта – эту функцию и выполняет местоимение *сь*, что в дальнейшем помогает разворачивать текст и структурировать документ, используя другие указательные местоимения семантического трёхчлена.

В отличие от кратких форм полные формы ед. ч. широко представлены в исследуемых памятниках и характеризуются разнообразием форм склонения местоимений по мягкому варианту: «...о п'риемѣ сегѡ Доношения...» [2, д. 139, л. 32 об.]; «...изса сей нашей порѹки...» [Там же, л. 112]; «...к семѹ добросѹ...»; «...к семѹ доношению вместо никиты мининыхъ ево прошениемъ свѣдени^к илия Јванов рѹкѹ приложилъ» [Там же, л. 212]; «...взять кпрежно^{му} 207 дѣ^{лу} высмотря сию пору^{ну}...» [13, д. 139, л. 42 об.]; «...въ ннѣшнемъ въ се^м го^{лѹ}...» [Там же]; «...какъ вѣсть будетъ Прото о семѹ все готовы и прото^{де} про^{се} онь слыша^т у Алешки...» [11, д. 1346, л. 6].

Что касается форм множественного числа, то здесь частотны формулы дательного падежа, закреплённые в определённых шаблонах приказного делопроизводства: *к симъ ро^{спроснымъ} речамъ, к симъ дѣламъ*. Интересна архаичная книжная форма в следующем примере: «...в силѹ... Ѹказѹ на с^{ия} Шемелины^м и Бутины^м потребные к^м маши^{но}и трубѣ товары...» [2, д. 64, л. 575]. Вин. пад. мн. ч. требует формы *сихъ, сии*, между тем используется церковнославянская форма *сия*.

Наблюдения над местоимением *сь/сеи* в памятниках Восточного Забайкалья показали значение указания на его непосредственную пространственно-временную близость. Среди указательных местоимений *сеи* является самым частотным и встречается в формулах исследуемых разножанровых документов.

Если местоимение *сь/сеи* указывает на актуальность документа или объекта в данный момент (*сему репорту, сего распросу, сею скаскаю; сего дня, сего году, сего ве^{рхоту}ского Ѹвѣдѹ*), то местоимение *ть/тотъ*, наоборот, свидетельствует о некоей временной или географической дистанции относительно автора: «...по клятвенному обѣщанию привести к присягѣ и по приводе к^{тои} присягѣ здѣшнюю канцелярию Ѹведомит^т писмянно...» [Там же, л. 486]. Также местоимения *ть/тотъ* в деловых документах, употребляясь с существительным, уточняют предмет, о котором идёт речь: «...та вышеписанная дѣвка Ори^{ка}... подъехавъ к^{тому} Троицкому Селегинскому мнстырю...» [13, д. 98, л. 34]; «...и о^т того^б не могло^ж бы последоват^т те^м дела^м какои тратъ ...» [2, д. 64, л. 628 – 628 об.].

В исследуемых памятниках местоимение *ть/тотъ* в ед. ч. склоняется по твердому варианту, что представляет парадигму склонения, близкую к современной парадигме русского языка: «...в то^н по^лговорно^н де^{кѣ}...» [13, д. 98, л. 31]; «за то^т минѹвшеи: 752^г го^т о^т сщѣнниковъ исповѣдныхъ росписеи реэстръ» [2, д. 64, л. 578 об.]; «...в то^т побѣгѣ Подо^{ва}...» [11, стб. 1346, л. 73]; «...ислыша де тотъ крикъ...» [2, д. 139, л. 290 – 290 об.]; «...на тои лошаде на се^{лѣ}...» [Там же]; «Продажная цена то^у ево лошадение Пять рѹблевъ великогѡ Гдря десято^у пошлыны у него василья спродажы того конишка...» [Там же, д. 3, л. 334]; «...в то^н ратѹше» [Там же, д. 139, л. 334].

Как и местоимение *сь*, местоимение *ть* проявилось в функционально сильной форме *то*. Следы этого мы находим в единичных примерах: «...и то онои лесъ выставил...» [Там же, д. 64, л. 22]. В современном русском языке эта форма не сохранилась, так как совпала с формами среднего рода.

По мнению ряда лингвистов, местоимения-существительные типа *ть* «рано втягиваются в общий процесс унификации форм словоизменения местоимений – полных прилагательных», что отражается в распространении парадигмы *той – тая – тое – тыи* (по аналогии *новый – новая – новое – новые*) [1, с. 260], которая конкурировала с формой *тотъ* (< *тѣтъ* < *ть ть*). Анализируя употребление указательных местоимений в текстах «Хождений», В. В. Колесов фиксирует одинаковое употребление форм *той – тотъ*, между тем с конца XVI в. *тотъ* побеждает, вытесняя форму *той*. При этом исследователь считает, что эти формы различались стилистически – *тои* как форма высокая, книжная, а *тотъ* стилистически нейтральная» [5, с. 363-365]. В исследуемых текстах делопроизводства Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII в. конкуренция в муж. роде *тотъ – той* сохраняется, при превалировании формы *тотъ*. Стилистических различий между формами не зафиксировано. Например: «...и на тои ево китайской товаръ выменил я...» [12, д. 335, л. 5]; «...и боде то^у ссылно^у Мартыновъ...» [2, д. 64, л. 630-631]; «...и попосы^тке де то^у

јвашко кра^{но}л^р **ѣ** дильли и охотники ва^ргунск^ѣ и том^ѣ дѣлу есть ли про то онъ не^знает...» [11, д. 1346, л. 5] – «А самъ ^{де} онъ ва^{ка} Про то^т Маринъ согап^ткомъ Совѣтъ что они Совѣтовали^с о то^м дѣле или нетъ не^знает...» [Там же, л. 3]; «А то^т Нау^{ско} Табакъ вымени^л о^н јва^н, внерчинску...» [2, д. 1502, л. 33]; «...и оные ле ларешно^у переломов и целова^нникъ кѣ^чюмо^в завино то^т казенно^у правянтъ брали ѣни^х заведомо» [Там же, д. 139, л. 334]; «...то^т ро^в копа^л Гд^{рь} мы холоп^и Тво^у симою...» [11, д. 556, л. 84]; «...и то^т нашъ нас^ѣяно^у хл^ѣб^ѣ выжали...» [2, д. 5, л. 115 – 117 об.].

Что касается других родовых форм им.-вин. пад., склоняющихся по парадигме прилагательных, то они встречаются в исследуемых памятниках в единичных случаях, что может говорить о следовании документов периферии как образцам документам центра, где уже норма *тотъ – то – та – те* была распространена: «и в то^е время ушлышелъ крикъ» [Там же, д. 139, л. 290 – 290 об.].

Неоднократно встречается форма род. пад. ед. ч. муж. рода, которая передается написанием с буквой *в* – *тово*. В рамках одного документа встречаются разные графические варианты, отображающие конкуренцию книжной нормы и живого произношения указательного местоимения *тотъ*: «...то^{го} числа... а бо^лши ^{де} то^{во} ничево не^знают...» [13, д. 8, л. 4]; «...о^т чего вылимскомъ Городе и впрису^дствующих то^{го} города мѣ^ста^х соляная продажа остановила^с вся...» [2, д. 139, л. 313].

Особый интерес вызывает случай выравнивания односложной формы род. пад. ед. ч. муж. рода *то*е в двухсложную *того* под действием двухсложного окончания прилагательного *плате^жного* и местоимения *своего*: «...Продаль я Филиповы^х в Прошло^м 749ом годѣ явленно^у Своего плате^жного товарѣ Приводѣ то^его в Нерчинск...» [Там же, д. 64, л. 109]. Исследователь памятников деловой письменности Л. Ф. Копосов, характеризуя особенности форм местоимений в памятниках севернорусской письменности, объясняет широкое употребление местоимения *то*е фактами живой речи, а двухсложные формы соответствуют современным севернорусским говорам [6, с. 248].

В исследуемых памятниках в род. пад. ед. ч. жен. рода наблюдается конкуренция древнерусской формы *то*ѣ и новой формы *той*: «...ј велѣлъ то^ѣ рѣды привести к себѣ вѣлу^с а ѣнего де да^н ко^нта^нши то^н рѣды плавить неко^{му} и хочет де то^н рѣды для по^линного обявѣ о^т не^сти вве^рхъ поанѣрѣ^нке хкуту^х...» [11, д. 1813, л. 6].

Форма вин. п. ед. ч. жен. р., характерная и для древнерусского, и для современного русского языка, – *ту* употребляется во многих памятниках XVI–XVIII вв. [6]. В памятниках Восточного Забайкалья эта форма встречается довольно часто, конкурируя с народно-разговорными формами *то*е и *тою*. Например, «...и они^{де} ту пусты^нку построили и прибрали в тѣ пусты^нку ѣ брато^в...» [11, д. 450, л. 7]; «...Яко^в Е^всиевъ о^т писа^н ту нашѣ пу^ты^нку а заводя тѣ пѣсты^нкѣ ходя помирѣ сыконо^в...» [Там же]; «...да б^у де Свою аму^пскую Злую Дѣму Призывали онѣ...» [Там же, д. 1346, л. 3]; «...а ^т великую силу вои^нскѣю воеже Покори^т...» [Там же, д. 973, л. 93]; «...авме^сто ево в ту слѣ^жбу приве^дстать – вышепокасанного касачья сѣна Степана ячменева...» [2, д. 139, л. 287 об.]; «...а ту рыбѣ продава^н о^н Евсеев^у внерчинску На базаре...» [Там же, д. 3, л. 334].

В исследуемых памятниках с формой вин. п. ед. ч. жен. р. *ту* конкурирует форма *то*е: «...то^е дѣвку взяла воровски...» [13, д. 98, л. 34]; «и увезчи то^е девку взяли воровски... И державъ то^е девку Фирсов снѣ Васка отдалъ...» [Там же]. По мнению Л. Ф. Копосова, форма *то*е являлась нормой деловой письменности XVII в., о чем свидетельствуют рукописные азбуки-прописи, использовавшиеся при обучении письму [6, с. 245]. Эта форма получила повсеместное употребление в памятниках Севера Руси XVII – первой половины XVIII в. Нейтрализация им. – род. – вин. пад. по форме род. пад. ед. числа находит проявление в формах жен. рода и, вероятно, связана с потенциальным развитием категории одушевленности/неодушевленности. Другую версию предлагает П. С. Кузнецов: «Осложнение указательного местоимения *тѣ* указательным местоимением *и* замечено по говорам не только в мужском роде, но и в женском и среднем, а также во множественном числе, охватывая, впрочем, лишь формы именительного и винительного падежей, т.е. наблюдаются такие формы, как *тая, то*е (или *тоѣ*), *тую, теи* и т.д.» [7, с. 135].

В документах северо-западной письменности встречается форма вин. п. жен. рода – *тую* [6, с. 261]. В исследуемых памятниках Восточного Забайкалья фиксируется форма *тою*, возможно, как фонетический вариант: «...что^б то^ю рѣды приве^сти к не^{му}...» [11, д. 1813, л. 6]; «...и ј того числа о^тложено брату Ево Петрѣ дрѣжнов то^ю рухля^ни...» [Там же, д. 1216, л. 247]; «...что^б за то^ю злю ѣмершаго дѣшѣ молити бога...» [2, д. 139, л. 334].

Омонимичная форма *тою* проявляется в исследуемых памятниках в тв. п. ед. ч. жен. рода: «...И что^б велики^н Гд^{рь} пожаловат и^х велѣли то^ю пусты^нкою совсяки^м заводо^м владѣт...» [11, д. 450, л. 7]; «...пашенною семлѣю и сѣ^нными покосы владѣ^н о^тцѣ ево челобитчику^в Григоре^в Микитиновѣ и то^ю семлѣю и сѣ^нными покосы...» [2, д. 5, л. 115].

Склонение местоимений *тѣ/тотъ, та, то* во мн. ч. характеризуется выравниванием формы новообразования *тѣ* по всему мн. ч. В им. и вин. п. мн. ч. произошла утрата родовых форм: *ти, та, то, ты* со временем стали единой формой *тѣ* по образцу косвенных падежей. Форма *тѣ* появилась из основы форм косвенных падежей мн. ч. – *тѣхъ, тѣмъ, тѣми, тѣхъ* – в результате выработки общего форманта *ѣ* (*е*) в падежных формах мн. ч. Приведём примеры: «...а тѣ^х де кони коуро^н Са^оьяншико^в да ко^н сѣ^рои Его^рковъ а трете^н саврасо^н...» [13, д. 78, л. 3]; «...В тѣ^х соболя^х... тѣ^{де} соболи взя^н... о^н взя^н соболе^н с тѣ^х шесть променя^н на таба^к...» [Там же, д. 8, л. 5]; «...с приобщениемъ тѣхъ касакъ имянного реэстра...» [2, д. 64, л. 173]; «...не могло послѣдовать тем дѣламъ како^й траты...» [Там же, л. 629 об.]; «...темъ людемъ выписанъ и^с...» [Там же, л. 578 об.].

Местоимения *он, она, оно* продолжают сохранять в исследуемых памятниках функции указания на отделенный объект: «...для того, понѣже о^н напре^д сего по требованию оныхъ зака^нныхъ дѣлъ посла^н быть... о^н

Мар'тынов напре^д и ден'гї взя^т...» [Там же, л. 629 об.]. Другой пример: «И призва^н и^х что^б они кто есть охо^тники шли с ним Алешкою в Нерчинск... потому что^{де} онъ заво^тчикъ и атаманъ у ни^х...» [11, д. 1346, л. 4].

В книжном языке старый именительный *онъ* был рано вытеснен новым – *оной* (*оный*). Например, «... принимали впропой завино казенно^н правиа^ть хотя он^о сн^их извыскань...» [2, д. 139, л. 334]; «... айн^ѣ он^о Каргаполовъ обр^ѣтаецца...» [Там же, л. 94]; «... а ежели он^о дербинь изса сей нашей порѣжки учинить что против вышеписанного...» [Там же, л. 112]; «... толмача неопред^ѣленъ на он^о карауль...» [Там же, л. 174].

Форма *оно* с ударным первым гласным употребляется как указательное местоимение в значении *это*: «... от жены ево никако^и и^згони она калузи^н не видела а о поб^ѣге^{де} дѣмы и сов^ѣту он^о ъни^х не слыхала...» [13, д. 78, л. 6]; «... во всенародное известие он^ым печатны^м э^ѣмпляро^м з барабанны^м боемъ п^ѣбликовать и в присто^но^м м^ѣсте он^о бысть...» [2, д. 64, л. 131 об.].

Местоимение *оной* фиксируется в исследуемых памятниках и наряду с местоимением *сей* активно используется писцами для придания тексту документа архаичности слога.

Итак, все местоимения бывшего трехчлена *сь – ть – онъ* представлены в памятниках Восточного Забайкалья. Все три местоимения в разных формах могут проявляться в контексте одного документа в жанрах, сформированных еще в приказном делопроизводстве (челобитная, память, поручная и др.). В качестве иллюстрации приведем отрывки из поручной («Поручные записи нерчинских служилых людей на вновь приверстанных казаков», 1670 г.), которая ярко передает схему документа с древнерусским трехчленом: *се аз* (близкий объект точка отсчета движения делового документа, представление всех тех, от имени которых пишется документ), *то* (главный поручитель), *онъ* (третье отдаленное лицо, о котором идет речь, но который сам не принимает участия в делопроизводстве). «Се яз нерчинского строго пятидесятникъ казачеи Макара Меркуева да (должность + полное имя), да яз (должность + полное имя)... поручились по Дмитрее Минине сне Камаров^ѣ (презентация объекта) быт ему Дмитрею... будучи он Дмитрей... в его Дмитреевы головы м^ѣсто... на то послушь нерчинской служилои члвк^ѣ Яванъ Петровъ снъ Волга порѣшную запис писал я Митка Комаров своею рукою...» [13, д. 2, л. 10]. Замена *онъ* на *его* говорит о переходе указательного местоимения *онъ* в супплетивную парадигму личных местоимений 3-го лица, но актуализирующая функция указательного местоимения остается.

Еще в качестве примера приведем отрывок из дела «О переплетении книг ссыльным Петром Мартыновым» (1753 г.) В тексте указательные местоимения семантического трехчлена выполняют структурирующую функцию: «... ВЕЛ^ѣНО ссы^нного Мар'тынова наиперв^ѣ нын^ѣ о^тслать для пер^ѣпл^ѣту^ж книгъ в Нерчинскъ дѣховного правления к зака^ннымъ дѣла^м (:которои и посла^н;) для того, пон^ѣже о^н напре^д сего по требованию он^ыхъ зака^нныхъ дѣлъ посла^н былъ о^тсель для п^ѣрепл^ѣту^ж книгъ, а пото^м сюда присла^н о^братно и у тѣхъ зака^нныхъ дѣлъ за п^ѣрепл^ѣтъ книгъ о^н Мар'тынов напре^д и ден'ги взя^т а когда у те^х зака^нныхъ дѣлъ книги он за взятые имь ден'ги исправить то тогда ево для Перепл^ѣту дѣлъ послать о^т те^х зака^нныхъ дѣлъ в рече^нную нерчинскую ка^нцелярию с таковы^м объявл^ѣниемъ ...» [2, д. 64, л. 629 – 629 об.]. Из примера видно, что регулярное употребление указательных местоимений в рамках документа является показателем стандартизованности, номенклатурной точности, однозначности и является стилиобразующим средством приказного делопроизводства.

Таким образом, в памятниках Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII в. можно отметить следующее.

1. Краткие указательные местоимения *сь* и *ть* представлены в формулах приказного делопроизводства, конкурируя, а затем оставляя место в деловом дискурсе двухсложным местоимениям *сей* и *тотъ*. Сохранению кратких местоимений в памятниках Восточного Забайкалья до середины XVIII в. способствовал ряд факторов: намеренная архаизация языка документов авторами, выучка писцов, следовавших ученическим образцам-прописям, удаленность Забайкалья от центра государства, в связи с чем документооборот, а следовательно, и новые номенклатурные установки задерживались на несколько лет.

2. Исследуемые памятники фиксируют переход местоимений *сь*, *ть*, *онъ* от древнерусской системы к новым грамматическим нормам. Наблюдается функционирование архаичных и народно-разговорных форм, например *тое*, *тою*.

3. Исследуемые памятники сохраняют реликты трёхчленной системы. Это подтверждается фактами отсутствия двухчленной оппозиции *этот* (близкий) – *тот* (дальний), а также сохранения в формулярах документов оппозиций *сей – тот/оной*.

4. Частотность употребления местоимений бывшего трехчлена в рамках одного текста свидетельствует об их значимой роли для создания формуляра приказного документа и является маркером делового дискурса XVII в.

Анализ языка деловых памятников Восточного Забайкалья показал, что до середины XVIII в. указательные местоимения *сей*, *тотъ*, *оной* являются стилиобразующими средствами делового языка, выполняя функции словесной и структурной организации текста. Сохранение архаичных и книжных форм, конкурирующих с новыми формами и народно-разговорными, свидетельствует о намеренном укреплении архаичных норм приказной традиции, что подтверждается сохранением семантического трехчлена как организующего начала структуры документа.

Список литературы

1. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981. 359 с.
2. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 10. Оп. 1.
3. Демидов Д. Г. Какого разряда местоимения *онъ – оный*, *его* и *онъ – его*? Исторический, генетический и культурно-психологический аспекты // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. Кн. 6. С. 25-36.

4. Ермакова О. П. Семантика, грамматика и стилистическая дифференциация местоимений // Грамматические исследования: функционально-стилистика. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. М., 1989. С. 146-157.
5. Колесов В. В. История русского языка: учеб. пособие для студ. М.: Академия, 2005. 672 с.
6. Копосов Л. Ф. Севернорусская деловая письменность XVII-XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология). М.: МПУ, 2000. 287 с.
7. Кузнецов П. С. Очерки исторической морфологии русского языка. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 275 с.
8. Майоров А. П. Местоимения *сей, тот, оной* в деловом языке XVII-XVIII вв. // Русский язык в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2004. № 2 (8). С. 224-240.
9. Майоров А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: Азбуковник, 2006. 263 с.
10. Падучева Е. В. Референциальные аспекты высказывания (семантика и синтаксис местоименных слов): автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 1981. 43 с.
11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1.
12. РГАДА. Ф. 1121. Оп. 2.
13. РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1.
14. Синько Л. А. Местоимение в синтаксической системе: основные функции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 70 С. 80-88.
15. Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М.: Просвещение, 1953. 367 с.

DEMONSTRATIVE PRONOUNS OF SEMANTIC TRINOMIAL IN THE WRITTEN MONUMENTS OF EASTERN TRANSBAIKALIA OF THE END OF THE XVII – THE FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY

Biktimirova Yuliya Viktorovna, Ph. D. in Philology
Transbaikal State University
pravo_chita@mail.ru

The article examines the peculiarities of using demonstrative pronoun forms of the archaic trinomial opposition *сь – тъ – онъ* in the written monuments of Eastern Transbaikalia of the end of the XVII – the first half of the XVIII century. The preservation of archaic and bookish forms competing with the new and colloquial forms indicates the deliberate fixation of the Prikaz traditional archaic norms which is justified by the conservation of semantic trinomial as an organizing element of the Prikaz office document structure.

Key words and phrases: business language monuments; demonstrative pronouns; semantic trinomial; name morphology; the Russian language of the XVII-XVIII centuries.

УДК 81'25

Национальные нормы поведения того или иного этноса обуславливаются спецификой менталитета и культурных ценностей, то, что в одной культуре является коммуникативной нормой, в другой культуре может быть недопустимым. Так, в британском этносоциуме принято дистанцировать собеседника, скрывать свои истинные чувства и мысли, недоговаривать или приуменьшать степень воздействия на собеседника, что проявляется в модальной категории «недосказанность (understatement)». В данной работе автором была предпринята попытка оценки восприятия данной категории представителями немецкой и русской лингвокультур, что стало возможным благодаря переводу оригинальных высказываний на немецкий и русский языки.

Ключевые слова и фразы: *understatement*; дистанцированность; перевод; межкультурная коммуникация; менталитет.

Бондарь Ольга Александровна
Нижевартовский государственный университет
bondar.ol@bk.ru

ПЕРЕВОД КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ СТЕПЕНИ ВОСПРИЯТИЯ КАТЕГОРИИ «НЕДОСКАЗАННОСТЬ (UNDERSTATEMENT)»

Для осуществления коммуникации в англоязычной культуре существенную роль играет модальная категория «недосказанность (understatement)», отражающая ключевые национальные черты – автономию личности, толерантность, индивидуализм. Использование данной категории в речи позволяет реализовать разнообразные интенции автора, избежать прямого высказывания намерений говорящего, передать их скрыто, в косвенной форме, выразить неуверенность в возможности осуществления названного действия, дистанцировать собеседников. В то же время в русскоязычной культуре данный лингвокультурный феномен воспринимается с определенным смещением рецептивных акцентов. Так, компонент «недосказанность» рассматривается часто как хитрость, скрытность, фальшь, определяемые как отрицательные черты коммуниканта.

Различия в лингвокультурах могут затруднять передачу высказывания с одного языка на другой. Большое значение для осуществления качественного перевода имеет полное понимание переводчиком описываемой им ситуации, контекста, в котором происходит диалог между людьми, прагматических намерений собеседников.